

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКИХ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА*

© 2000 г. Н. М. Лебедева

Докт. психол. наук, сопр. Ин-та этнологии и антропологии РАН, Москва

Анализируются современные теоретико-методологические подходы к изучению ценностей в кросс-культурной психологии. Приводятся результаты исследования ценностей двух групп русских (студенты и учителя) по методу С. Шварца. Анализ наиболее предпочитаемых ценностей позволил выделить блок базовых ценностей русской культуры (ценности **Консерватизма** и **Гармонии**, по Шварцу), а также – тенденции в изменении мотивации: снижение у молодого поколения ценности **Мастерства**, **Иерархии**, **Интеллектуальной** и **Аффективной автономии**. Факторный анализ показал, что два первых фактора, определяющих семантическое пространство ценностно-мотивационной структуры обеих групп респондентов – это **культура** и **эгоцентризм**. Интерпретация полученных результатов дается с привлечением данных русской философии, этнографии и литературы. В выводах обосновываются новые подходы и перспективы исследования и интерпретации ценностей в коллективистских культурах.

Ключевые слова: кросс-культурная психология, этнопсихология, ценности, мотивация, психосемантика, коллективизм, индивидуализм.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЦЕННОСТЕЙ В КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

1.1. Измерение ценностей: проблемы метода и кросс-культурного сравнения

В зарубежной кросс-культурной психологии [16, 23] исследование ценностей в настоящее время рассматривается как наиболее важное и актуальное направление.

Признается, что ценности, доминирующие в обществе – это главный элемент культуры, и ценностные приоритеты индивидов реализуются в основных целях поведения, а опыт повседневной жизни в меняющихся экологических и социополитических условиях напрямую влияет на ценности. Таким образом, через анализ ценностей можно отчетливо увидеть изменения, происходящие в культуре и личности, в ответ на исторические и социальные перемены.

Проблема изучения ценностей для современной России имеет особое значение, поскольку Россия – поликультурная страна, при этом многочисленные этнические группы, проживающие на ее территории, имеют длительный исторический опыт мирного сосуществования; и в этом плане можно говорить об их культурной близости, сходстве ценностей и векторов их изменения в последнее десятилетие. Отечественные ученые отмечают, что среди основных процессов, свойственных

массовому сознанию в ситуации нестабильности, **изменение системы ценностей** вызывает необходимость особо тщательного социально-психологического анализа [1, с. 363].

Несмотря на обилие теоретико-методологических подходов, методов и процедур исследования ценностей в зарубежной психологии, встает вопрос – адекватны ли эти подходы в других культурах, в частности в России, и как можно трактовать полученные межкультурные различия?

Одна из главных проблем – имеют ли исследуемые ценности одинаковое значение в разных культурах. Даже при хорошем переводе мы не можем быть уверены, что выражаемые ценности имеют то же значение в разных языках и культурах. Работа с местными вариантами ценностей в каждом языке и культуре не дает возможности понять, насколько эти варианты ценностей сходны с ценностями в других культурах. Исследователи ценностей иногда решают проблему сходства их значений путем сравнения сходства структуры связей между ценностями внутри каждой культуры [15, 23, 33].

Кросс-культурные исследования ценностей проходят на двух различных уровнях анализа: **индивидуальном** и **культурном**. На индивидуальном уровне ценности рассматриваются как основы мотивов, которыми люди руководствуются в своей жизни [22, 28, 29]. Отношения между различными ценностями отражают психологическую динамику конфликта и согласия, испытываемую людьми

*Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 98-06-08152а)

ми, когда они в своем поведении руководствуются определенными ценностями. Например, людям нелегко стремиться к власти и к подчинению в одно и то же время, но они могут одновременно стремиться к власти и богатству. Взаимосвязь между рангами ценностей для индивида отражает внутренние измерения, организующие его ценности.

Различия на культурном уровне менее изучены. Когда ценности используются для характеристики культур, то исследуют разделяемые в обществе абстрактные идеи о том, что считается хорошим, правильным и желательным в этом обществе или культурной группе [34]. Социальные институты общества в своих целях и способах деятельности выражают приоритетные культурные ценности. Когда люди выполняют свои роли в социальных институтах, они апеллируют к культурным ценностям, решая, какое поведение будет соответствующим, и оправдывая свой выбор в глазах других.

Отношения между различными ценностями на культурном уровне отражают социальную динамику конфликта и согласия, возникающую в ситуации, когда социальные институты общества реализуют свои цели. Эти отношения не обязательно те же самые, что на индивидуальном уровне. Например, хотя одновременные акценты на власти и подчинении несовместимы на индивидуальном уровне, они совместимы на уровне культуры. Социальная система будет более согласованной, если люди рассматривают власть как желательную основу для организации человеческих отношений, а подчинение – как соответствующее поведение по отношению к тем, кто облечен властью. Таким образом, поскольку отношения между ценностными приоритетами на этих двух уровнях могут быть разными, методы измерения ценностей могут также различаться.

Измерение ценностей на индивидуальном уровне. Современные исследования ценностей на индивидуальном уровне в основном базируются на исследованиях Рокича [22]. Рокич стимулировал интерес к ценностям в психологии, дав ясное определение этого понятия, предложив легкий инструмент их измерения, в котором отражалось его понимание ценностей как руководящих принципов жизни.

В конце 80-х гг. по инициативе и под руководством д-ра С. Шварца, профессора факультета психологии Иерусалимского университета, была организована Международная программа сравнительного (кросс-культурного) изучения ценностей. В настоящее время по программе работают группы исследователей в 46 странах. Шварц утверждает, что главный содержательный аспект, отделяющий ценности друг от друга, это – тип мо-

тивации, в которой они отражаются. Поэтому он сгруппировал отдельные ценности в блоки ценностей, разделяющих общую цель. Он исходил из того, что основные человеческие ценности, которые должны быть во всех культурах, – те, которые представляют универсальные человеческие потребности (биологические нужды, потребности согласованного социального взаимодействия и требования групповой жизни) как осознанные цели. Основываясь на ценностях, выделенных предшествующими исследователями, найденных в религиозных и философских трудах в разных культурах, он сгруппировал ценности в десять различных видов мотивации, которые он понимал как основные типы или блоки ценностей. Он дал этим типам ценностей определения, основанные на их главной цели: **Власть, Достижение, Гедонизм, Стимуляция, Самостоятельность, Универсализм, Заботливость, Традиционность, Конформизм, Безопасность.**

Результаты более поздних исследований подтвердили эту структуру, выявив, что десять типов ценностей располагаются на двух биполярных осях: **Открытость к изменениям (ценности самостоятельности и стимуляции)–Консерватизм (безопасность, конформность и традиции)** и **Акцент на себе (власть и достижение)–Акцент на других (универсализм и заботливость)** [23, 26]. Поскольку типы ценностей формируют интегральную мотивационную структуру, Шварц в дальнейшем постулировал, что типы ценностей как единая система связаны с другими переменными (установками, поведением, групповым членством и т.д.).

Культурный уровень измерения ценностей. Существуют сотни, возможно, тысячи ценностей, по которым могут быть сравнимы разные культурные группы. Некоторые ценности имеются во всех обществах, другие – лишь в некоторых. Необходимо было ограничить множество культурных ценностей небольшим числом измерений, по которым можно сравнивать культуры. Теоретики, решавшие эту задачу, высказали предположение, что культурные измерения ценностей отражают основные проблемы, с которыми сталкивается общество, организуя человеческую деятельность [18, 21, 25].

Подход Шварца к ценностям на культурном уровне теоретически независим от его подхода на индивидуальном уровне [30]. По его мнению, измерения культурных ценностей отражают альтернативные решения группами основных проблем. Культурные варианты решения каждой из этих проблем располагаются вдоль биполярных осей:

1. **Консерватизм–Автономия.** В культурах, располагающихся на полюсе **Консерватизма,**

личность рассматривается как принадлежащая к группе, видящая смысл жизни в социальных связях, идентификации с группой и разделении общего образа жизни. Пример ценностей этого типа: *социальный порядок, уважение традиций, безопасность семьи и самодисциплина*. В культурах, расположенных на полюсе **Автономии**, личность рассматривается как независимая, уверенная в себе, ценящая свою уникальность, стремящаяся выразить собственные внутренние качества (личностные черты, чувства, мотивы, предпочтения) и поощряемая к этому. Шварц выделил два взаимосвязанных типа Автономии: Интеллектуальную автономию, основанную на независимости идей и праве индивида следовать своими собственными интеллектуальными путями (*любопытность, открытость ума, изобретательность*), и Аффективную автономию, означающую независимую устремленность индивида к переживанию позитивных эмоций (*удовольствие, возбуждение, разнообразие*).

2. Иерархия–Равноправие. В культурах, расположенных на полюсе **Иерархии**, иерархическая система ролевых предписаний обеспечивает социально ответственное поведение. Люди учатся подчиняться обязанностям и правилам, предписанным их ролями, и наказываются, если не делают этого. Этот тип ценностей опирается на легитимность неравного распределения власти, ролей и ресурсов (*социальная власть, авторитет, подчинение, богатство*). Культуры, расположенные на полюсе **Равноправия**, рассматривают индивидов как равных перед моралью и разделяющих основные человеческие интересы. В людях воспитывается внутреннее согласие с ценностью добровольного объединения с другими и заботы об их благе. Этот тип ценностей основан на преодолении эгоизма (*равенство, социальная справедливость, свобода, ответственность, честность*). Усвоение ценностей **Равноправия** – главная проблема социализации в культурах, где личность считается более автономной, чем зависимой от других, поскольку для автономных личностей согласие с другими не является естественным.

3. Мастерство–Гармония. В культурах, расположенных на полюсе **Мастерства**, люди активно стремятся подчинить себе и изменить природный и социальный мир, контролировать и использовать его в личных или групповых интересах. Этот тип ценностей основан на продвижении вперед посредством активного самоутверждения (*амбиции, успех, смелость, компетентность*). Культуры на полюсе **Гармонии** принимают мир таким, каков он есть, пытаясь скорее сохранить, чем изменить или использовать его. Этот тип ценностей основан на установлении гармонии со средой

(*единство с природой, защита окружающей среды, мир прекрасного*).

Данные, полученные с помощью вопросника, содержащего 57 ценностей, в группах учителей, студентов и взрослых в 54 странах, включая 10 стран бывшего советского блока, были подвергнуты многомерному шкалированию для проверки валидности теоретически выделенных семи типов ценностей, организованных в три биполярных измерения. Расположение полученных ценностей в пространстве по регионам подтвердило структуру типов ценностей и измерений. Шварц представил результаты по 32 национальным группам, полученные на выборках учителей. Данные выборки учителей значимо коррелировали с данными студенческих выборок в 40 странах (к корр.: от 0.83 до 0.70), это подтвердило гипотезу: различные типы выборок в одной и той же культуре выявят похожий вариант расположения ценностей по трем предложенным измерениям.

1.2. Различия в ценностях на культурном уровне и их интерпретация

В каждом из исследований культурных ценностей авторы пытались расположить культуры на карте мира по отношению друг к другу.

Хофстед провел иерархический кластерный анализ сорока стран на основе их результатов по четырем измерениям. Этот анализ выделил 11 кластеров, которые он перегруппировал в 7 значимых “культурных ареалов”: Нордический, Англоязычный, Германский, Ближневосточный, развивающаяся Азия, развивающаяся Латинская Америка, развитая Латинская Америка, развитая Азия (представленная одной Японией). Хофстед дал детальное описание профилей ценностей в каждом культурном ареале. Например, в Нордическом и Англоязычном ареалах относительно низкие показатели **Дистанции власти**, высокие **Индивидуализма**, низкие или средние показатели **Избегания неопределенности**, но для Нордического класса характерна низкая **Маскулинность**, а для Англоязычного – высокая. Таким образом, эти культурные ареалы различаются тем, что в Нордическом кластере больше проявляется забота о слабых и межличностная гармония, а в Англоязычном – настойчивость и материальный успех [18].

Шварц в своем исследовании выделил шесть культурных ареалов: Западноевропейский, Англоязычный, Восточно-европейский, Исламский, Восточноазиатский и Латиноамериканский. Япония опять выделилась как отдельный ареал [30]. Сходство между культурными ареалами Хофстеда и Шварца оказалось поразительным. Некоторые различия, без сомнения, отражали разность

культурных выборов: например, у Хофстеда не было Восточноевропейских стран.

Чтобы объяснить происхождение значительных национальных различий в культурных ценностях, ученые исследовали их корреляции. Ключевым вопросом этих исследований было определение направления причинной связи. Рассмотрим, например, значимую позитивную корреляцию уровня развития национальной экономики с важностью в культуре ценностей **Индивидуализма** ($r = 0.82$ Hofstede, 1980) и **Автономии** ($r = 0.58$, Schwartz, 1993). Эти корреляции могут расти потому, что более развитая экономика предоставляет индивидам большее разнообразие возможностей и большую свободу выбора. С другой стороны, больший акцент на этих ценностях может способствовать развитию экономики, мотивируя индивидов работать более усердно и продуктивно. В этом случае причинно-следственная связь между экономическим развитием и ценностями более очевидна, чем наоборот, что подтверждается тем фактом, что **Индивидуализм** и **Автономия** коррелируют с уровнем экономического развития, а не с показателями экономического роста.

Единственное культурное измерение, значимо коррелирующее с экономическим ростом – это **“Конфуцианское трудолюбие”** [19]. Корреляция $r = 0.70$ была выявлена между этой ценностью и ростом ВВП на душу населения в 23 странах в период с 1965 по 1987 годы. Страны Дальнего Востока, показавшие наиболее высокий экономический рост, имели наивысшие показатели по **“Конфуцианскому трудолюбию”** в этот период. В данном случае культурные ценности можно скорее рассматривать как причину экономического роста, чем как его следствие.

Шварц также проверял влияние социальных и демографических факторов на измерение культурных ценностей. Богатство страны и другие показатели экономического развития имели значимые негативные корреляции с **Консерватизмом** и **Иерархией** и позитивные с **Автономией** и **Равноправием**. Наиболее сильным показателем был размер жилой площади, который позитивно коррелировал с вышеуказанными двумя измерениями и с **Мастерством**. Шварц объяснил это тем, что нормальное совместное проживание семьи с большим количеством ее членов, включая маленьких детей, требует иерархически организованной социальной системы, в которой люди идентифицируются с общностью, принимают ролевые обязательства и эксплуатируют материальную среду для удовлетворения групповых потребностей. Он также объяснил, как такой тип семьи может влиять на приоритетность ценностей. Другие важные “детерминанты” культурных

ценностей – уровень демократизации, этническая гетерогенность и процент христиан в стране [31].

Наиболее успешные подходы, вероятно, должны рассматривать взаимодействие исторических, интеллектуальных, экономических, технологических, политических, религиозных и других факторов формирования культурных ценностей. Статистический анализ должен сочетаться с привлечением анализа данных факторов. Шварц в двух своих работах применил эту стратегию для объяснения различных ценностных профилей Западно-европейских и Восточноевропейских культурных ареалов [27, 30].

В исследовании С. Шварца и А. Барди было выявлено, что такие ценности, как **Консерватизм** и **Иерархия**, были более важны в Восточной, чем в Западной Европе. С другой стороны, такие ценности, как **Равноправие**, **Мастерство**, **Интеллектуальная автономия** и **Аффективная автономия** были значительно менее выражены у представителей стран Восточной Европы, чем у западноевропейцев [27].

Это исследование выявило общий профиль предпочитаемых ценностей, характерный для стран Восточной Европы в отличие от Западной Европы. Авторы объяснили эту общность сходством адаптации людей к условиям жизни в коммунистической социальной системе (необходимость конформизма, непредсказуемость правил и наказание за непослушание; доноительство, создающее атмосферу взаимного недоверия, подавление личной инициативы и свободы; отсутствие связи между результатами работы и вознаграждением за нее; патернализм, поощряющий пассивность и уклонение от личной моральной ответственности).

Считается, что необходимым условием и моральной базой социальной ответственности являются ценности **Равноправия** и **Автономии**, которые очень важны для поддержания демократии [17]. В связи с этим некоторые исследователи полагают, что ценностный профиль, выявленный у жителей стран Восточной Европы, плохо пригоден для развития демократии, поскольку ценности равноправия и автономии имеют сравнительно низкую значимость в этих странах. Ценностное основание для развития системы свободного предпринимательства также практически отсутствует: ценности **Автономии** и **Мастерства** не получили широкого принятия и одобрения, и в этом – корни нежелания брать личную ответственность, рисковать и напряженно работать в полную меру сил и талантов. Вместо этого более предпочитаемыми являются ценности **Консерватизма** и **Иерархии**, являющиеся основой тенденции перекладывать заботу и ответственность в обеспечении своих потребностей на государство [27].

Исследование Шварца и Барди было проведено в таких восточно-европейских странах, как Болгария, Чехия, Эстония, Грузия, Венгрия, Польша, Словакия, Словения и Россия в 1992–1996 гг. Несмотря на сходство ценностей во всех этих странах, было установлено, что в России, Грузии и Болгарии особенно значимыми были ценности **Консерватизма** и **Иерархии** по сравнению с ценностями **Мастерства** и **Автономии**. Авторы объяснили это более длительным пребыванием в лоне коммунизма и возможным влиянием православия.

Несмотря на декларацию, что для анализа полученных культурных различий необходимо применять исторические, этнокультурные, религиозные, политические и другие факторы, исследование Шварца и Барди ограничилось подробной интерпретацией различий в ценностях у жителей Восточной и Западной Европы с привлечением лишь политических аспектов. Не было сделано даже попытки анализа с точки зрения истории и этнической культуры восточного славянства, да и роль православия никак не была проанализирована. Однако таким глубоким и всесторонним анализом не могут похвастаться и отечественные исследования ценностей.

2. ЦЕННОСТИ РУССКИХ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ НА РУБЕЖЕ ХХІ ВЕКА

2.1. Исследования ценностей в отечественной психологии

Сразу оговоримся, что краткий анализ исследований ценностей в отечественной психологии в данной работе ограничивается двумя аспектами: исследованиями ценностей русских в отечественной этнопсихологии и изучением изменения системы ценностей под влиянием социально-экономических и политических преобразований последнего десятилетия.

В отечественной этнопсихологии в 90-х гг. XX века был проведен ряд исследований ценностных ориентаций русских (К. Касьянова, 1994; Л. Почебут, 1997; В. Знаков, 1997; Н. Лебедева и Е. Павелко, 1998 и др.). В работе Касьяновой отмечается важность в русской культурной традиции таких ценностей, как *терпение, страдание, смирение, жертвенность* (ценности “внутреннего делания”) в отличие от таких ценностей, как *труд, достижение успеха* (ценности “внешнего делания”) [6]. Почебут отмечает значимость таких ценностных ориентаций, как *коллективизм, справедливость, ориентация на лучшее будущее, ориентация на быстрое решение жизненно важных проблем* [11]. В исследовании Лебедевой и Павелко межпоколенной трансмиссии культуры у русских отмечается сильная тенденция сохране-

ния таких базальных ценностей русской культуры, как *коллективизм* и *феминность*, наряду с возникновением и развитием у молодых поколений россиян ценностей *индивидуализма* и *маскулинности* (амбициозность, мотивация достижения) [8].

В отечественной психологии также было проведено исследование по методу Шварца [2]. Авторы пишут о том, что предварительные его данные не позволяют сделать глобальные, “основополагающие” заключения относительно социально-психологических закономерностей сферы ценностного сознания личности и группы. При этом авторы исследования утверждают, что в определенных социальных группах образ “социально желательной” иерархии ценностей фактически не подвергается широко провозглашаемой ломке, хотя, по мнению авторов, за последние несколько лет наблюдаются определенные изменения и сдвиги.

Изучению влияния новых социально-экономических условий на изменение ценностных ориентаций личности в разных социальных группах было посвящено исследование В.А. Хащенко [14]. Стандартный список ценностей методики Рокича дополнен ценностями, отражающими экономическую направленность: *богатство, собственность, экономическая независимость, предприимчивость, материальная обеспеченность*. Было опрошено шесть групп населения, характеризующихся разным социально-экономическим статусом.

Анализ данных исследования позволил установить влияние новых социально-экономических условий на изменение ценностных ориентаций индивида в разных группах, которые проявляются в доминировании общей направленности на индивидуальные ценности. Установлено, что в иерархии ценностей-целей доминируют: *здоровье, семья, материальная обеспеченность, любовь, свобода, уверенность в себе, друзья*. Среди ценностей-средств достижения жизненных целей ведущими являются *твердая воля, честность, независимость, предприимчивость, самоконтроль, образованность*. Полученные данные, по мнению автора, свидетельствуют о формировании нового типа направленности личности, характеризующегося индивидуализированной ориентацией на личные, в том числе экономические ценности, такие как *материальная обеспеченность, предприимчивость, собственность и богатство*.

Изменения в ценностных ориентациях выразились прежде всего в усилении ориентации на себя, опоры на собственные силы (волевые качества, рациональность в поведении, стремление действовать самостоятельно и решительно) и в сниже-

нии роли и значения качеств личности, особенно важных в контактах с другими людьми (чуткость, уважение к другому, умение выслушать и понять другого и т.п.). В исследовании установлено, что социально-экономические изменения хорошо согласуются с изменениями в социально-психологической феноменологии, что позволяет рассматривать последние в качестве индикаторов этих перемен: изменения в ценностном сознании индивида могут рассматриваться как индикатор изменения в его материальном положении.

Обзор исследований ценностей россиян и их трансформации в последнее десятилетие показывает, что наряду с сохраняющимися базовыми ценностями русской культуры в сознании жителей России происходит изменение ценностей по оси "индивидуализм-коллективизм" в сторону большего индивидуализма.

Существенным недостатком отечественных исследований ценностей является отсутствие единства в методах исследования ценностей, что затрудняет сравнение результатов, полученных разными авторами. Кроме того, практически нет исследований, привлекающих для анализа ценностей данные истории, этнографии, культурологии и религиоведения (за исключением работы Касьяновой).

В 1999 г. в рамках проекта РГНФ "Изменяющаяся этническая идентичность. Опыт кросс-культурного анализа этнопсихологических исследований в России и СНГ в 90-х годах XX века" мною было проведено эмпирическое исследование изменения базовых культурных ценностей русских.

Целью исследования явился сравнительный анализ структуры ценностей двух групп респондентов (студентов и взрослых – учителей и других специалистов) для определения сходств и различий в структуре базовых ценностей двух поколений. Сходства должны показать неизменность ценностного ядра русской культуры, а различия – направления изменения ценностей в последнее десятилетие XX века. Мотивом к проведению данного исследования была неудовлетворенность результатами и их интерпретацией в работах Шварца относительно стран Восточной Европы.

2.2. Методика

Мною был переведен на русский язык и адаптирован в пилотажном исследовании опросник Шварца для изучения ценностей на культурном уровне (перевод был согласован с автором опросника).

Опросник Шварца включает 57 ценностей, отобранных таким образом, чтобы представлять каждый описанный им тип ценностей. Чтобы избежать прозападного уклона, ценности были взяты из всех основных мировых религий и опросников, разработанных в Азии и Африке, а также на За-

паде. Коллеги из многих стран добавляли свои ценности в этот опросник. Во избежание зависимости от языка, одновременно разрабатывались версии на иврите, финском и английском языках. (После этого коллеги в 54 странах собрали данные 144 тысяч респондентов по двум выборкам: школьные учителя и студенты. Учителям был отдан приоритет перед другими профессиональными группами, поскольку они играют ключевую роль в социализации ценностей). Респонденты ранжируют ценности по степени важности как руководящие принципы в их жизни. Шкала ранжирована от -1 (отвергаемая ценность) до 7 (наиболее важная ценность). Шкала включает и негативные значения, так как ценности, важные в одной культуре, могут отвергаться в другой. Инструкция респондентам была такая:

«При ответе на этот опросник, Вы должны спросить себя: "Какие ценности важны для меня как основные принципы в моей жизни, а какие ценности менее важны для меня?" Эти ценности взяты из разных культур. В скобках после каждой ценности есть слова, которые могут помочь Вам лучше понять ее значение. Ваша задача – указать, в какой степени каждая ценность является для вас ведущим принципом в Вашей жизни. Используйте цифровую шкалу, приведенную ниже.

0 – означает, что ценность совсем не значима для Вас и не является ведущим принципом Вашей жизни.

3 – означает, что ценность важна для Вас.

6 – значит, что ценность очень важна для Вас.

Чем больше цифра (0, 1, 2, 3, 4, 5, 6), тем более важна для Вас эта ценность как ведущий принцип в ВАШЕЙ жизни.

Кроме этого, могут использоваться цифры:

-1 – для обозначения ценности, противоположной ведущим принципам Вашей жизни.

7 – для обозначения ценности, **важнейшей** для Вас и являющейся руководящим принципом в Вашей жизни; **обычно таких ценностей не более двух.**

В пустой ячейке перед каждой ценностью укажите номер (-1, 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7), отражающий важность этой ценности лично для Вас. Постарайтесь использовать все цифры, как можно точнее и разнообразнее отражая Ваше отношение к данным ценностям (разумеется, каждая цифра может быть использована неоднократно).

Респондентами явились: группа студентов из Пензы, Москвы, Санкт-Петербурга и Ярославля (244 человека), а также – группа учителей и других специалистов из вышеуказанных городов (180 человек). Общий объем выборки – 424 человека. Этническая принадлежность респондентов – русские. Исследование проводилось весной и летом 1999 г.¹

Результаты исследования подверглись математико-статистической обработке с помощью пакета STATISTIKA.

2.3. Результаты исследования и их обсуждение

В процессе первоначального анализа нами были выделены наиболее предпочитаемые и наиболее отвергаемые ценности в двух возрастных группах наших респондентов. В табл. 1 представ-

¹ Автор выражает особую благодарность за помощь в проведении этого исследования доц. кафедры связей с общественностью и рекламы Пензенского госуниверситета О.В. Черновой, доц. кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского госуниверситета Л.Г. Почебут и студентке ГУГН Е.И. Лебедевой.

Таблица 1. Наиболее предпочитаемые ценности

Студенты			Учителя		
Ценность	М (ср. знач.)	δ	Ценность	М (ср. знач.)	δ
Защита семьи	5.67	1.11	Здоровье	6.01	1.03
Здоровье	5.51	1.53	Защита семьи	6.00	1.03
Настоящая дружба	5.50	1.11	Мир на земле	5.47	1.51
Смысл жизни	5.48	1.53	Верность	5.37	1.16
Самоуважение	5.26	1.53	Смысл жизни	5.31	1.42
Независимость	5.26	1.43	Ответственность	5.31	1.42
Интеллект	5.26	1.15	Интеллект	5.31	1.42
Верность	5.21	1.18	Социальный порядок	5.27	1.38
Достижение успеха	5.21	1.18	Национальная безопасность	5.21	1.50
Свобода	5.16	1.38	Честность	5.26	1.16
Внутренняя гармония	5.10	1.38	Настоящая дружба	5.12	1.16
Зрелая любовь	5.10	1.66	Уважение старших	5.06	1.34
Выбор собственных целей	5.06	1.29	Внутренняя гармония	4.90	1.66

лены средние значения наиболее предпочитаемых ценностей двух обследованных групп.

Анализ ценностей, наиболее предпочитаемых респондентами двух групп показывает, что в обеих группах можно выделить блок повторяющихся, неизменных ценностей (*защита семьи, здоровье, настоящая дружба, верность, интеллект, смысл жизни, внутренняя гармония*). Эти ценности можно отнести к базовым ценностям русской культуры, транслирующимся из поколения в поколение. Интересно, что они попадают в разные блоки ценностей по Шварцу (ценности **Консерватизма** и **Гармонии**)

Наряду с этим выделяются ценности, которые более предпочитаемы одной из групп и не встречаются в списке приоритетных в другой. Так, группа учителей предпочитает такие ценности, как *мир на земле, ответственность, социальный порядок, национальная безопасность, честность, уважение старших*. В группе студентов более предпочитаемыми оказываются такие ценности, как *самоуважение, независимость, достижение успеха, свобода, зрелая любовь, выбор собственных целей*. Нетрудно заметить, что эти два блока ценностей отличаются тем, что в группе учителей доминируют ценности коллективистской направленности, служащие установлению и поддержанию группового единства и групповой гармонии (по Шварцу, это ценности **Консерватизма** и **Равноправия**). Для студентов, напротив, более значимы ценности индивидуалистической направленности, служащие личностному росту и

развитию (по Шварцу, это ценности **Мастерства**, **Автономии** и **Равноправия**).

Трудно сказать, являются ли выявленные различия в ценностных приоритетах следствием внутренней трансформации ценностей культуры или результатом влияния возрастных различий. Даже если верно последнее предположение и отмеченные различия – это следствие значимости разных аспектов жизни в разные возрастные периоды, мы можем высказать идею, что данные блоки ценностей в равной степени важны для русской культуры, и что люди разного возраста реализуют различные социальные идеи, которые присутствуют в культуре (идею консерватизма, сохранения и идею изменения и развития).

Далее в табл. 2 мы выделили блоки ценностей, наименее предпочитаемых двумя группами наших респондентов.

В наименее предпочитаемых ценностях у обеих групп наблюдается большая согласованность. Как можно видеть, в наибольшей степени отвергаются ценности двух крайних полюсов: на одном – *власть, влияние, авторитетность, отвага (дерзость), потакание себе* (ценности **Иерархии** и **Автономии**), а на другом – ценности противоположного смысла: *довольство своим местом в жизни, скромность, благочестие, единство с природой* (ценности **Иерархии** и **Гармонии**). Отвержение первой группы ценностей довольно предсказуемо для русской традиционной (коллективистской по сути) культуры. Это ценности, противоположные ценностям групповой гармонии,

Таблица 2. Наименее предпочитаемые ценности

Студенты			Учителя		
Ценность	М (ср. знач.)	δ	Ценность	М (ср. знач.)	δ
Власть	2.09	2.12	Власть	1.07	1.97
Довольство своим местом в жизни	2.13	2.32	Отвага (дерзость)	1.85	1.75
Благочестие	2.21	1.90	Потакание себе	2.44	2.03
Скромность	2.28	1.86	Довольство своим местом в жизни	2.54	2.21
Отвага (дерзость)	2.57	1.80	Влияние	2.58	1.81
Уважение традиций	2.82	1.74	Благочестие	2.59	2.11
Единство с природой	2.88	1.93	Разнообразие жизни	2.68	1.59
Умеренность	2.95	1.79	Интересная жизнь	2.87	1.89
Творчество	3.01	1.82	Авторитетность	3.06	1.96
Потакание себе	3.06	1.96	Удовольствие	3.25	1.77
Равенство	3.21	1.73	Единство с природой	3.33	1.83
Влияние	3.22	1.75	Скромность	3.52	1.74
Авторитетность	3.39	1.94	Наслаждение жизнью	3.53	1.94

разрушающие ее. Однако, описывая русский национальный характер в прошлом, А.С. Солженицын, например, считал большим недостатком: "...вековое отчуждение нашего народа от политики и от общественной деятельности; отсутствие стремления к власти: русский человек сторонился власти и презирал ее как источник неизбежной нечистоты, соблазнов и грехов; в противоречие тому – жажда сильных и праведных действий правителя, жажда чуда; отсюда – наша губительно малая способность к объединению сил, к самоорганизации..." [13, с. 165]. К недостаткам же, по его мнению, относится и "всеизвестное (худо знаменитое) русское долготерпение" [13, с. 165].

Ему возражает Касьянова, проводящая анализ таких культурных ценностей, как *терпение, страдание, смирение* (которые являются орудием и результатом *внутреннего делания*, устройства души человека) в противовес *деланию внешнему*, или труду. Приводя слова Еп. Феофана "Дело – не главное в жизни, главное – настроение сердца, к Богу обращенное", она отмечает, что труду (и любому *внешнему деланию*) в системе ценностей русской культуры отводилось явно подчиненное место и его невозможно перевести в другой разряд, не нарушив всей системы. Восклицание поэта "Чем был бы хуже твой удел, когда б ты менее терпел?", обращенное к русскому народу, автор считает верхом непонимания своей культуры и пишет: "терпение для нас – не способ достигнуть лучшего удела, ибо в нашей культуре терпение, последовательное воздержание, самоограни-

чение, постоянное жертвование собой в пользу других, мира вообще – это принципиальная ценность, без этого нет личности, нет статуса у человека, нет уважения к нему со стороны окружающих и самоуважения..." [6, с. 112].

Однако отвержение ценностей, казалось бы свойственных традиционной русской культуре (*довольство своим местом в жизни, благочестие, скромность*), довольно неожиданно и свидетельствует об изменениях в ценностно-мотивационном блоке русской культуры. Если обратиться к описаниям русского национального характера в прошлом, можно встретить характеристики подобные тем, что отметил А.С. Солженицын: "Доверчивое смирение с судьбой... непогоня за внешним жизненным успехом, непогоня за богатством, довольство умеренным достатком" [13, с. 161]. Сейчас нашими современниками это отвергается. Отвержение *благочестия* (эта ценность расшифровывается так: *хранение веры, следование религиозным убеждениям*) неудивительно – чтобы считать его ценностью, руководящим принципом жизни, надо вырасти в благочестивой христианской семье, чем мало кто может похвастаться. Традиции благочестия в нашей стране были жестко прерваны и возродятся ли они хотя бы наполовину – большой вопрос.

Таким образом, можно сказать, что в ряду ценностей русской культуры к концу XX века наблюдаются серьезные изменения, затрагивающие ключевые основы русского национального характера. Если посмотреть на межгрупповые различия в отвергаемых ценностях, то можно увидеть тен-

Таблица 3. Сравнительные данные по блокам ценностей (типам мотивации, по Шварцу), полученные в странах Западной и Восточной Европы и в России

Блоки ценностей	Учителя			Студенты		
	Восточ. Европа	Западная Европа	Россия	Восточ. Европа	Западная Европа	Россия
Консерватизм	4.15	3.51	4.38	3.83	3.32	3.71
Иерархия	2.19	1.28	3.05	2.23	2.01	3.10
Гармония	4.24	4.30	4.28	4.11	4.05	3.69
Равноправие	4.74	5.35	4.93	4.63	5.21	4.27
Интеллектуальная автономия	4.15	4.60	4.05	4.23	4.61	4.65
Аффективная автономия	3.13	3.76	2.95	3.78	4.23	3.98
Мастерство	3.84	3.98	3.98	4.22	4.27	4.43

денцию, выявленную ранее. Молодые отвергают ценности коллективизма: *уважение традиций, умеренность, равенство*, а люди постарше – ценности индивидуализма: *разнообразие жизни, интересная жизнь, наслаждение жизнью, удовольствие*. При этом довольно неожиданным является то, что для наших студентов *творчество (изобретательность, уникальность, неповторимость)* не является значимой ценностью, хотя эта ценность – в ряду значимых ценностей индивидуалистической культуры.

Когда Шварц в 1992 г. проводил исследование в Санкт-Петербурге, он выявил, что Россия по таким блокам ценностей, как **Равноправие, Мастерство, Интеллектуальная и Аффективная автономии**, занимает последнее место в ряду стран Западной и Восточной Европы, а по ценностям **Консерватизм, Иерархия и Гармония** – первое. Мне было интересно посмотреть, отличаются ли данные, полученные семь лет спустя, от данных Шварц, и каким образом – т.е. как изменились ценности русской культуры за эти очень важные для России годы. Для этого я сопоставила в одной таблице средние данные стран Восточной Европы (9 стран), Западной Европы (11 стран), полученные в 1992–1996 гг., и России (1999 г.) по двум группам (учителя и студенты) – см. табл. 3.

Согласно данным Шварца 1992–1996 гг., жители стран Восточной Европы уступали представителям стран Западной Европы в **Мастерстве** (амбициозность, успех, смелость, компетентность), **Интеллектуальной автономии** (любопытность, широта ума, творчество) и **Аффективной автономии** (стремление к наслаждению, разнообразной и интересной жизни); при этом показатели России по данным блокам ценностей были одними из самых низких. Сейчас же мы видим, что по **Мастерству и Интеллектуальной автономии** наши студенты обогнали не только восточноев-

ропейских, но и западноевропейских сверстников, и даже наши учителя сравнялись по ценностям **Мастерства** с западноевропейскими коллегами. В ценностях **Аффективной автономии** наши студенты превысили средние показатели восточноевропейских стран, но не догнали Западную Европу.

Далее, Шварц и Барди в своей статье отмечали, что ценности **Консерватизма и Иерархии** выше у представителей стран Восточной Европы, а ценности **Равноправия** – ниже [27]. Согласно нашим данным, ценности **Иерархии** за эти годы возросли у студентов и учителей, ценности **Консерватизма и Равноправия** возросли у российских учителей, но снизились у студентов.

Если сравнивать выборки российских учителей и студентов между собой, можно наблюдать две тенденции в изменении мотивации:

А) снижение у молодого поколения таких типов мотивации, как **Консерватизм, Равноправие, Гармония**;

Б) рост таких типов мотивации, как **Мастерство, Иерархия, Интеллектуальная и Аффективная автономии**.

Согласно мнениям западных ученых, ценности **Равноправия и Автономии** важны для поддержания демократии, поскольку являются ценностной и моральной базой социальной ответственности. По данным Шварца, в Восточной Европе эти ценности развиты слабо. Наши исследования показали, что ценности **Равноправия** в молодом поколении россиян действительно падают, но ценности **Автономии** (особенно, **Интеллектуальной**) растут и даже превышают средние данные по Западной Европе.

Ценностной базой свободного предпринимательства являются ценности **Мастерства и Автономии**, и согласно данным нашего исследования

средние данные по этим блокам ценностей (или типам мотивации, по Шварцу) у российских студентов выше, чем у их сверстников в странах Восточной и Западной Европы (по ценностям **Мастерства** даже наши учителя догнали средние показатели стран Западной Европы).

Более сложная картина с ценностями **Равноправия**. Сравнительно низкая ценность **Равноправия** (особенно у студентов), полученная в нашем исследовании, согласуется с данными исследования отношения российских старшеклассников из семей с разным уровнем дохода к национальной политике [12]. Было выявлено, что для школьников из высокообеспеченного слоя оказывался ценностно значимым сам принцип социальной иерархии (т.е. неравенства), для них характерна поддержка уже сложившейся социальной иерархии (лояльность к центральной власти). В сфере национальной политики, например, для школьников из высокообеспеченного слоя все менее значимым становится принцип “равноправия всех наций и народностей” и все более значимым выступает принцип “примата интересов национального большинства”.

Школьники из семей с низким уровнем доходов в этом исследовании были склонны отрицать сам принцип иерархии и были более критичны к центральной власти, но при этом они в большей мере поддерживали силовой способ решения национальных конфликтов, считали, что существующая национальная политика ведет к ущемлению интересов коренного населения, требуя введения жестких ограничений на въезд иммигрантов из стран СНГ. Автор исследования сделал вывод, что у школьников из малообеспеченного слоя формируется достаточно сложная и конфликтная структура сознания: за внешней декларацией идеологии равенства стоит целый комплекс защитных реакций, предполагающий демонстрацию силы и закрытость, что также является признаком значимости ценности и неравенства.

В нашем исследовании ценность **Иерархии** у студентов в сравнении с учителями возрастает, а ценность **Равноправия** резко падает при сохранении значимых отличий не только от Западной, но и Восточной Европы. В сочетании с заметным ростом ценностей **Мастерства** и **Интеллектуальной автономии** это свидетельствует о том, что молодое поколение россиян готово “зарабатывать деньги своим собственным умом” и готово к социальному неравенству в доходах, т.е. стремится к индивидуальному богатству. Следовательно, России в ближайшее время предстоит пройти искушение богатством и неравенством. Готовы ли мы к этому, есть ли аналогии в прошлом и как вообще русская традиционная культура решает проблему личного богатства?

Об этом хорошо написано в статье М.М. Громыко “Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX века в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики”: «Трудно богато войти в Царство Небесное – эти слова из Евангелия (Мф., 19, 23) знал каждый русский человек. Трудно – но возможно. От человека, оказавшегося по своей воле или в силу обстоятельств богатым, требовались особые усилия на пути благочестия... Богатство, сочетаемое с щедрыми пожертвованиями в храмы и монастыри, с личным молитвенным подвигом, вызывало неизменную положительную оценку в глазах основной массы русских людей. Большое значение придавали при этом источникам богатства – какими способами оно было изначально накоплено. Человек, обнищавший из-за своей лени, не вызывал сочувствия; предпочтение отдавали тому, кто разбогател в результате своего трудолюбия. “Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных – обогащает”, “собирающий во время лета – сын разумный, спящий же во время жатвы – сын беспутный” – притчи Соломона были едва ли не самой популярной книгой Ветхого Завета в народе».

Но при этом (и это очень важно помнить и понимать) русские крестьяне никогда “не забывали, что доброе и худое, жизнь и смерть, бедность и богатство – от Господа”. Правильная установка была такая: “человек не должен сам стремиться к богатству, не должен заботиться о приобретении его: он трудолюбиво и разумно выполняет свое дело, а Господь, если должно, пошлет ему богатство, и тогда-то нужно, не надмеваясь (не гордясь) ни в коем случае явившимся богатством, употреблять его на добрые дела...” Эти люди стремились в своей жизни познать и исполнить волю Божию о себе (не это ли называется в современной психологии высшей потребностью в самоактуализации? – Н.Л.). Они услышали и исполнили в своей жизни принцип “Ищите прежде всего Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам”. «И прилагалось. Приходило ли богатство, уходило ли – не это было для них главным. “Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе”. Народ в массе своей хорошо различал богатых, живущих по-Божьи, и эгоистичное богатство, ставшее самоцелью, относясь к первым благожелательно, а ко вторым – с неприязнью и даже враждебно. Важно не то, богат ты или беден, а благочестив ли. Нечестивец может быть и бедным» [4].

Как показывают исследования кросс-культурной психологии, во всех культурах большая ценность и ожидание богатства негативно коррелируют с успехом и благосостоянием, если деньги –

основной мотив поведения личности. Оказалось также, что поведенческие отклонения и преступления выше среди материалистов [9]. Д. Макклеланд отмечает следующий интересный факт: для бизнесменов, отличающихся выраженной потребностью в достижении цели, деньги сами по себе редко означают большую ценность. Гораздо чаще они важны как показатель успеха [7]. Это – объективный закон. В нашей культуре он приписан чуть ли не в хромосомах.

Как наши респонденты относятся к богатству? Согласно нашим данным, ценность благосостояния (деньги, материальное благополучие) характеризуется средними значениями (4.65 – у студентов и 4.56 – у учителей), т.е. в диапазоне “важна”.

Интересно посмотреть, какие факторы лежат в основе предпочтения тех или иных ценностей нашими респондентами. Мы провели факторный анализ полученных данных по двум группам отдельно (методом главных компонент путем вращения корреляционной матрицы по типу *varimax* в программе STATISTIKA).

В группах студентов и учителей выделилось по 5 основных факторов, описывающих соответственно 56 и 63% дисперсии. Есть смысл описывать выделенные факторы параллельно для демонстрации групповых сходств и отличий, причем здесь мы ограничимся описанием только первых двух факторов. В фактор 1 у студентов (вес – 8.13) вошли такие переменные: *вежливость* (0.64), *уважение традиций* (0.61), *обязательность* (0.61), *социальный порядок* (0.60), *уважение родителей, старших* (0.60), *социальная справедливость* (0.58), *полезность* (0.54).

В фактор 1 у учителей (вес – 11.13) вошли следующие переменные: *духовная жизнь* (0.66), *любознательность* (0.63), *творчество* (0.59), *единство с природой* (0.59), *мир прекрасного* (0.55), *умение прощать* (0.54), *благочестие* (0.52). Как нам кажется, в том и другом случае первый фактор – это **Культура**, только в случае со студентами – ее *нормативное* лицо, предписывающее, что и как надо делать, а в случае с учителями – ее *суть* (требования культуры, пропущенные через сердце и принятые личностью как свое, родное и осмысленное). Таким образом, несмотря на то, что в этот фактор вошли ценности, принадлежащие к наименее предпочитаемым, именно они сформировали главный фактор, лежащий в основе ценностно-мотивационных предпочтений. И фактор этот – **Культура** (в значении *нормативность* у студентов и в значении *универсализм* у учителей).

Здесь уместно вспомнить, что по блоку гармония или **Универсализм** (духовная жизнь, творчество, мудрость, зрелая любовь, единство с природой, любовь к прекрасному) страны Восточной

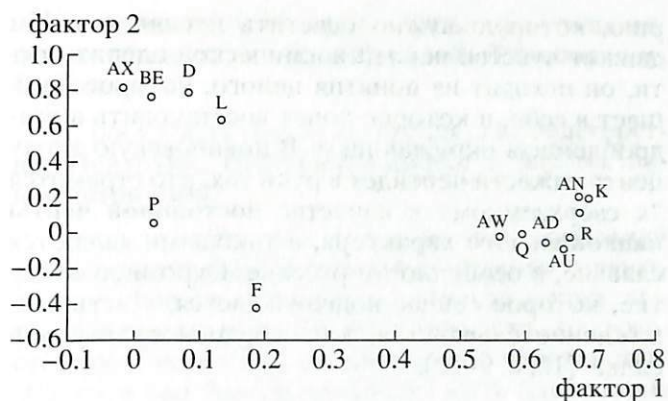

Рис. 1. Расположение избранных ценностей в пространстве факторов 1 (культура) и 2 (удовольствие) у студентов.

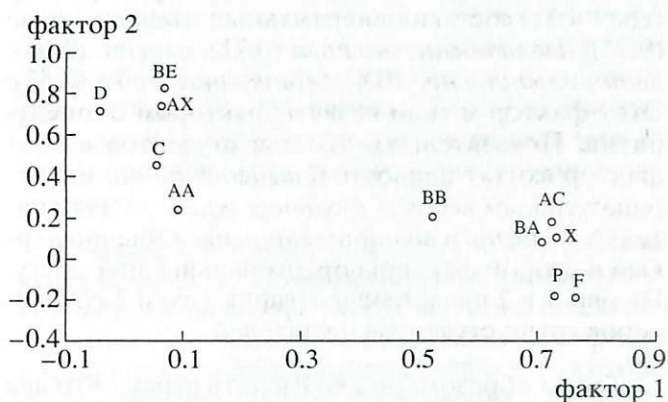

Рис. 2. Расположение избранных ценностей в пространстве факторов 1 (культура) и 2 (удовольствие) у учителей.

Европы (и наши учителя) не уступают странам Западной Европы. Об этом хорошо написал В. Шубарт, прибалтийский немец, который в своей книге “Европа и душа Востока” противопоставил друг другу два типа человека: прометеевский, героический человек и иоанновский, мессианский человек (т.е. следующий идеалу, данному в Евангелии от Иоанна). Человек прометеевского типа видит в мире хаос, который он должен оформить своей организующей силой; он полон жажды власти; он удаляется все дальше и дальше от Бога и все глубже уходит в мир вещей. Таковы “романские и германские народы современности”. Иоанновский, мессианский человек чувствует себя призванным создать на земле высший божественный порядок, чей образ он в себе **роковым** образом носит. Он хочет восстановить вокруг себя ту гармонию, которую он чувствует в себе. Мессианского человека одухотворяет не жажда власти, но настроение примирения и любви. Он видит в людях не врагов, а братьев; в мире же – не добычу, на которую нужно бросаться, а грубую мате-

рию, которую нужно осветить и освятить. Им движет чувство некоей космической одержимости, он исходит из понятия целого, которое ощущает в себе, и которое хочет восстановить в раздробленном окружающем. В иоанновскую эпоху центр тяжести перейдет в руки тех, кто стремится “к сверхземному в качестве **постоянной черты национального характера**, а таковыми являются славяне, в особенности русские. Огромное событие, которое сейчас подготавливается, – есть восхождение славянства, как ведущей культурной силы” [10, с. 9–10].

Рассмотрим второй фактор. Во второй фактор у студентов (вес – 5.09) вошли такие переменные: *наслаждение жизнью* (0.70), *удовольствие* (0.69), *благополучие* (0.61), *потакание себе* (0.59), *духовная жизнь* (–0.47). У учителей второй фактор (вес – 4.31) составили переменные: *удовольствие* (0.74), *наслаждение жизнью* (0.71), *власть* (0.66), *авторитетность* (0.4), *потакание себе* (0.57). Этот фактор можно назвать фактором **Эгоцентризма**. Показательно, что для студентов в этот фактор входит ценность *благополучия* и с отрицательным весом – *духовная жизнь*, а для учителей – *власть* и *авторитетность*. Обычно первый и второй факторы ортогональны друг другу. На рис. 1 и 2 представлен график 1-го и 2-го факторов групп студентов и учителей.

Таким образом, можно сделать вывод, что два первых и самых мощных фактора, определяющих семантическое пространство ценностно-мотивационной структуры обеих групп респондентов, – это **Культура** и **Эгоцентризм**. Отличия заключаются в том, что культура для студентов – это скорее внешнее и нормативное понятие. На нормативный и репрессивный характер русской культуры указывает и Касьянова [6]. Для учителей культура – это скорее интериоризованное и обогащенное личностным смыслом понятие, близкое к понятию **Универсализм** у Шварца.

Интересно, что у Шварца **Универсализм** противостоит **Мастерство**, а в нашем исследовании – **Эгоцентризм** (у студентов сюда входит благополучие, а у учителей – *власть* и *авторитетность*). Вхождение указанных ценностей в блок, противостоящий культуре (и оцениваемый в целом негативно) говорит о том, что в семантическом поле русской культуры ценности *власти* и *благополучия* слиты с такими негативно оцениваемыми ценностями, как *удовольствие*, *наслаждение жизнью* и *потакание себе*.

В целом же структура ценностей русских укладывается в классическую схему Шварца, где одна из осей имеет два полюса: **Акцент на других**–**Акцент на себе** [31].

3. ВЫВОДЫ

I. Сравнение результатов исследований ценностей разными авторами в разных культурах и особенностей их интерпретации показывает, что для понимания культурных различий в ценностях возможны два пути:

а) разработка культурно-релевантного метода изучения ценностей, как это сделал М. Бонд для определения таких ценностей, которые наиболее полно вскрывают специфику данной культуры. (Бонд разработал инструмент, изначально базирующийся больше на культуре Востока, чем на культуре Запада. Попросив китайских ученых определить ценности, особенно важные в китайской культуре, он разработал вопросник китайских ценностей (CVS), который позволил ему выделить уникальный фактор – “**Конфуцианское трудолюбие**”, который коррелировал с показателями экономического роста в странах Тихоокеанского региона, предсказав их экономический рынок в конце 80-х гг.) [15].

б) привлечение данных об истории, этногенезе, религии, политических и социальных системах исследуемой культуры при использовании универсальных методов для более полной интерпретации полученных различий.

II. Оценивая степень валидности методов и подходов к изучению ценностей в кросс-культурной перспективе, следует сделать предварительный вывод: чрезвычайно трудно добиться сходства ценностей в опросниках, переводимых на другие языки, поскольку при переводе всплывают значительные семантические различия в содержании ценностей и возникают сомнения в универсальности современных методов изучения ценностей и их пригодности для разных культур. Далее, в основе любого метода измерения ценностей, особенно на индивидуальном уровне, лежит та или иная концепция личности, которая в большинстве случаев несет на себе ярко выраженный “прозападный” уклон. Это в полной мере относится и к интерпретации полученных блоков ценностей, лежащих в основе типов мотиваций, и даже – названия для осей измерения ценностей (основных факторов), которые западные исследователи считают универсальными для всех культур, но у нас это вызывает сомнения.

III. Осознавая важность исследования ценностей в современной России для понимания как историко-культурных основ этих ценностей, так и векторов их изменения в последнее десятилетие, считаем возможным предложить следующие направления адаптации и валидации методов исследования ценностей в России:

а) унификация названий и содержания ценностей опросника Шварца для применения его на территории России, поскольку в настоящий мо-

мент каждый исследователь переводит его самостоятельно, и различия в названиях ценностей затрудняют сравнение полученных данных;

б) для дополнения к данному опроснику рекомендуется провести работу по сбору ценностей, релевантных русской культуре и отсутствующих в опроснике Шварца, с тем, чтобы включить их в опросник и посмотреть, изменится ли от этого структура базовых культурных ценностей;

в) для осмысления полученных культурных различий в ценностях россиян и представителей других культур необходимо привлекать данные из истории, этнографии, религиоведения, политологии и социологии с тем, чтобы содержание базовых ценностей и их трансформация в период радикальных общественных изменений получили глубокую и адекватную интерпретацию, которую по-настоящему может дать лишь исследователь, принадлежащий к данной культуре.

IV. По мнению зарубежных авторов, трудно ожидать, что большие изменения, сопровождающие социоэкономическое развитие, вызовут изменения в структуре ценностей. Однако, по нашему мнению, в культурах, переживающих такие перемены, возможны значительные изменения в значимости отдельных ценностей в те или иные исторические периоды.

В нашем исследовании анализ наиболее предпочитаемых ценностей позволил выделить блок повторяющихся, неизменных ценностей, которые можно отнести к базовым ценностям русской культуры, транслирующимся из поколения в поколение (ценности **Консерватизма** и **Гармонии**, по Шварцу). Факторный анализ показал, что два первых и самых мощных фактора, определяющих семантическое пространство ценностно-мотивационной структуры обеих групп респондентов – это **Культура** и **Эгоцентризм**. Отличия заключаются в том, что культура для студентов – это скорее внешнее и нормативное понятие, а для учителей – понятие интериоризованное и обогащенное личностным смыслом. Интересно, что у Шварца универсализму противостоит **Мастерство**, а в нашем исследовании – **Эгоцентризм** (у студентов сюда входит *благосостояние*, а у учителей – *власть и авторитетность*). Вхождение указанных ценностей в блок, противостоящий культуре (и оцениваемый в целом негативно) говорит о том, что в семантическом поле русской культуры ценности *власти* и *благосостояния* слиты с такими негативно оцениваемыми ценностями, как *удовольствие*, *наслаждение жизнью* и *потакание себе*. В целом же главная ось измерения ценностей русских укладывается в классическую схему Шварца, где одна из осей имеет два полюса: **Акцент на других**–**Акцент на себе**. Наряду с этим можно наблюдать две тенденции в изменении мотивации:

А) снижение у молодого поколения таких типов мотивации, как **Консерватизм**, **Равноправие**, **Гармония**;

Б) рост таких типов мотивации, как **Мастерство**, **Иерархия**, **Интеллектуальная** и **Аффективная автономия**.

Это означает, что для молодых поколений россиян значимыми мотивами поведения являются стремление к достижению личного успеха, выбор собственных целей, независимость, благосостояние и установка на социальное неравенство. Это то, с чем России предстоит жить ближайшие десятилетия. Это объективный процесс психологической адаптации к жесткому миру конкуренции, в который мы все вместе уже вступили. Нас ждут на этом пути и культурные потери и приобретения. В целом это напоминает процесс аккультурации этнических меньшинств в доминирующем обществе, когда этим группам дается совет расстаться с теми культурными чертами, которые **ценны, но неадаптивны**. Какие черты русской культуры при адаптации к нормам и меркам западного мира потеряем мы – можно только догадываться.

Главное – помнить и держать в уме дальние, высокие цели, а не сиюминутные. В типологической модели личности отечественного психолога Б.С. Братуся приводятся описательные характеристики типа “перестроенной личности”, которому, по мнению автора, свойственно переходное потребностно-мотивационное состояние: есть желание, но нет предмета, ему отвечающего. (То есть все чего-то страстно хотят, но не могут сформулировать, чего же). Очень важно, считает автор, не ошибиться в выборе этого “предмета”, определяя ход развития России, и советует, по примеру Толстого, “брать выше”, ибо жизнь “снесет”: “...для достижения реального и возможного необходимо стремиться к идеальному и невозможному...”. Пример он приводит следующий: французская революция провозгласила свободу, равенство и братство, а в результате получили растиньяков. Что же в итоге получим мы, – спрашивает автор, если сознательно и прямым ходом правим к растиньякам? [3].

И еще об одном хочется сказать: в мировом масштабе пересиливает психология охотника (первичная основа индивидуализма) над психологией земледельца (основа коллективизма). Это неизбежно отзовется кризисом хищнического отношения к Земле, что мы уже и наблюдаем. Поэтому в ближайшее время именно коллективистская культура и психология должны сказать свое веское слово, и человечество, чтобы не погибнуть, должно сменить психологию растраты на психологию сбережения. И в кросс-культурной психологии уже есть доказательства того, что

экономическое развитие совместимо с коллективистской психологией [20].

Завершая данную работу, следует отметить, что изучение системы ценностей и ее трансформации в современной России является едва ли не самой важной проблемой отечественной этнической и кросс-культурной психологии, поскольку именно в этом направлении исследований можно попытаться найти связь между прошлым и будущим русской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М: Аспект Пресс, 1998. С. 363.
2. Бобнева М.И., Дорофеев Е.Д. Изменение ценностных систем личности в период преобразования общества // Ценностное сознание личности в период преобразования общества / Ред. Е.Д. Дорофеев, Л.А. Седова. М.: Изд-во ИП РАН, 1997. С. 32-46.
3. Братусь Б.С. Психология. Нравственность. Культура. М., 1994.
4. Громыко М.М. Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX века в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.
5. Знаков В.В. Понимание правды и лжи в русской историко-культурной традиции // Этническая психология и общество / Ред. Н.М. Лебедева. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1997. С. 119-126.
6. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Изд-во Института национальной модели экономики, 1994.
7. Кричевский Р.Л. Если Вы – руководитель. М.: “Дело”, 1998.
8. Лебедева Н.М., Павелко Е.В. Исследование преемственности культуры у русских на современном этапе развития // Ежегодник Российского Психологического Общества. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1998. Т. 4. Вып. 1. С. 99-100.
9. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Изд-во Ключ-С. 1999.
10. Лосский Н.О. Характер русского народа. “Посев”, 1957.
11. Почебут Л.Г. Психология и ценностные ориентации русского народа // Этническая психология и общество / Ред. Н.М. Лебедева. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1997. С. 115-119.
12. Собкин В.С. Национальная политика глазами старшеклассника. Этнос. Идентичность. Образование. М., 1998.
13. Солженицын А. Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998.
14. Хащенко В.А. Ценностные ориентации различных социальных групп в условиях разных форм собственности // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Ред. Журавлев А.Л., Шорохова Е.В. М.: Изд-во ИП РАН, 1998. С. 107-122.
15. Bond M.H. Finding universal dimensions of individual variation in multi-cultural studies of values: The Rokeach and Chinese value surveys // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. V. 55. P. 1009-1115.
16. Bond M. Chinese values / Ed. M.H. Bond. Handbook of Chinese Psychology. Hong Kong: Oxford University Press, 1996.
17. Diamond L., Linz J., Lipset S.M. (Eds.) Politics in developing countries, comparing experiences with democracy. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1990.
18. Hofstede G. Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills: Sage, 1980.
19. Hofstede G., Bond M.H. The Confucius connection: from cultural roots to economic growth // Organizational Dynamics, 1988. V. 16. P. 4-21.
20. Kagitcibasi G. Whatever happened to Modernization? // Bulletin of Cross-Cultural Psychology. 1998. V. 32. № 4. P. 8-11.
21. Kluckhohn C., Strodtbeck F.L. Variations in value orientations. Evanston, IL: Row Peterson, 1961.
22. Rokeach M. The nature of human values. N.Y., 1973.
23. Schwartz S.H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries / Ed. M.P. Zanna. Advances in experimental social psychology. Orlando, FL: Academic. 1992. V. 25. P. 1-65.
24. Schwartz S.H. Comparing value priorities across nations. Invited address at 24 Congress of the Interamerican Society of Psychology. Santiago, Chile. 1993. July.
25. Schwartz S.H. Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values / Eds U. Kim, H.C. Triandis, G. Yoon. Individualism and collectivism: Theory, method and applications. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 85-119.
26. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // J. of Social Issues. 1994. V. 50. P. 19-45.
27. Shwartz S.H., Bardi A. Influences of Adaptation to Communist Rule on Value Priorities in Eastern Europe // Political Psychology. 1997. V. 18. P. 385-410.
28. Schwartz S.H., Bilsky W. Towards a psychological structure of human values // J. of Personality and Social Psychology. 1987. V. 53. P. 550-562.
29. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal structure and content of values: Extensions and cross-cultural replications // J. of Personality and Social Psychology. 1990. V. 58. P. 878-891.
30. Schwartz S.H., Ros M. Values in the West: A theoretical and empirical challenge to the individualism – collectivism cultural dimension // World Psychology. 1995. V. 1. P. 91-122.
31. Smith P.B., Shwartz S. Values // Eds Berry et al. Handbook of Cross-Cultural Psychology. 2nd ed. Boston: Allyn and Bacon. 1997. V. 3. P. 77-119.
32. Triandis H.C., McCusker C., Betancourt H., Iwao S., Leung K. et al. An emic-etic analysis of individualism and collectivism // J. of Cross-Cultural Psychology. 1993. V. 24. P. 366-383.
33. Triandis H.C. Culture and Social Behavior. N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1994.
34. Williams R.M. Values // Ed. E. Sills. International encyclopedia of the social sciences. N.Y.: MacMillan, 1968. P. 283-287.

THE BASIC VALUES OF RUSSIANS TOWARDS XXI CENTURY

N. M. Lebedeva

Dr. sci. (psychology), leading res. ass., Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow

The contemporary theoretical-methodological approaches to studying values in cross-cultural psychology are analyzed. The data obtained in research of values in two groups of Ss (students and teachers) by Schwartz' method are exposed. The analyses of the most preferred values allowed the block of basic values of Russian culture to be distinguished (Conservatism and Harmony values, according Schwartz) as well as the tendencies of motivation's transformation: Conservatism, Egalitarianism and Harmony values decrease and Mastery, Hierarchy, Intellectual and Affective Autonomy values increase among young generation. Factor analyses showed that the main two factors which determine the semantic space of value-motivational structure in both groups are the factors of Culture and Egocentrism. The data of Russian philosophy, ethnography and literature are involved into discussion of results also. The new approaches and perspectives of researches and consideration of values in collectivist cultures are presented in the conclusion.

Key words: cross-cultural psychology, ethnography, values, motivation, psychosemantics, collectivism, individualism.